В медпункте Академии Антимагии присутствовали любые аппараты. И это естественно, ведь ученики получали травмы намного чаще, чем в обычных школах. Пусть аппараты и не были идеальны, с их помощью можно было проводить даже несложные операции.

— …Сейчас ее состояние стабилизировалось, так что можно расслабиться. Но все же она как всегда заставила нас поволноваться, — с как обычно апатичным видом сказала Икаруга, осторожно гладя спящую на кровати Усаги.

— Я тоже удивилась, когда узнала, что она потеряла сознание… Такое часто происходит? – спросила у Такеру и Икаруги Мари, которая сидела на табурете и с волнением смотрела на Усаги.

— В старшей школе – всего несколько раз, но впервые приступ столь сильный.

— А в средней школе – постоянно. Усаги я тогда не знала, но слышала, что она потеряла сознание в кабинке женского туалета.

— Понятно… Вы знаете Усаги-тян только полгода. Что же такого произошло в последнее время?..

Мари подняла глаза к потолку и со вздохом принялась копаться в памяти.

У Такеру тоже имелось слишком много идей. Начиная с атаки Героя произошло несколько ужасных событий. Что-то из этого могло послужить причиной, и ее вовлеченность отрицать было нельзя.

— После инцидента с алхимиками она выглядела немного подавленной. Надо было поговорить с ней, — вспомнила Икаруга, играя с волосами. – Она… умеет скрывать от меня то, что чувствует на самом деле.

— …Разве? По-моему, ее понять проще всех, — озадаченно склонила голову Мари.

Икаруга потерла рукой подбородок.

— Все немного иначе. Точнее говоря, она всегда заставляет себя, это вошло у нее в привычку, поэтому трудно сказать, происходит ли что-то серьезное. К тому же она может всегда находиться в таком состоянии.

— Примерно поняла. Усаги-тян вечно паникует.

— Она не шутит, она серьезна. Упрямится, чтобы не причинять нам проблем. Усаги терпеливее и в то же время слабее всех нас.

— О… Я думала, у нее такой характер. Я совсем ее не понимала. Прости, Усаги-тян… — на глазах Мари выступили слезы.

— Думаю, это имеет отношение к ее семье.

Мари очень заинтересовалась предположением Икаруги.

— Так она своего рода девушка из благородной семьи?

— Семья Сайондзи связана с Инквизицией. Отец Усаги один из руководителей. Думаю, учили ее в строгости. Легко представить, под каким давлением она росла. Хотя я не знаю, правда это или нет.

— Так даже ты не знаешь.

— Я не спрашивала, если только она сама не говорила. Даже у меня есть много чего, о чем я бы не хотела рассказывать другим… из-за сами-знаете-кого вы все узнали. Хотя я ничего не могла поделать.

Слова Икаруги звучали холодно, но она беспокоилась за Усаги. Есть вещи, в которые они не могут лезть, даже если они товарищи.

Такеру слабо чувствовал дистанцию между людьми и оттого обычно бесцеремонно совал нос в чужие дела, но решил стараться молча наблюдать за происходящим, если только ситуация не станет слишком серьезной.

Но он нутром чувствовал, что в этот раз произошло нечто серьезное.

— …Усаги говорила с главным организатором фестиваля перед тем, как упасть.

— Тот, который выступал на открытии?

— Да… Они с Усаги родственники, друзья детства, кажется, — пробормотал Такеру, вспоминая, как остановил Рейму.

— Рейма Теммёдзи. Фамилия как у главы Комитета Этики, — отозвалась Икаруга.

— Э? Правда?

— Ага. Фамилия редкая, так что он, наверно, сын главы. Насчет родственников не знаю, но… друг детства…

— Но ведь Инквизиция и Комитет Этики плохо ладят...

— Комитет, конечно, влиятельная организация, но не в таких уж и плохих отношениях с Инквизицией. Он выступает против дискриминации ведьм, Инквизиция прислушивается к его мнению, да и не думаю, что Комитет хочет закрыть Инквизицию. У обоих сторон есть то, что нужно другой. Изначально они были одной организацией.

— Я и не знал… Сугинами, сколько же ты знаешь об устройстве организаций.

— …Кусанаги… О нынешнем положении дел знают даже младшеклассники.

— …Серьезно?

— Даже я знаю, — удивилась Мари.

Изначально Комитет Этики, который создала мирно настроенная надзорная часть руководства Инквизиции для защиты ведьм, не был отдельной организацией.

Организация, регулирующая приговоры ведьмам. По сути, она держала надзор за Инквизицией.

Мари задумчиво улыбнулась.

— В Инквизиции тоже не все так гладко, но что происходит там, я понятия не имею. Я ведьма, но мне не нравится их политика. Это только мнение Оки Отори, но правда ли они хотят добиться нормального отношения к ведьмам, крича о равенстве? Честно говоря, мне неприятно, что столько обычных людей требуют предоставить ведьмам больше прав.

— Ну да. Наивно было предоставлять власть организации, основанной на одной идеологии.

Такеру не разбирался в политике, но удивился, что Рейма, имеющий отношение к Комитету Этики, поступил в Академию Антимагии.

— Похоже, сын семьи Теммёдзи поступил в академию, чтобы изменить Инквизицию изнутри. Он, должно быть, весьма способен, раз в отделении академии был президентом учсовета.

— Или у него есть связи.

— И не поспоришь.

— Хе-хе, прямо как одна страшила. Ну, то есть где Ока Отори пропадает, когда Усаги-тян в

таком состоянии?! – недовольно обвинила Оку Мари.

Такеру ей объяснил все.

— Я не могу с ней связаться. Ее вызвали в учсовет, так что лучше ее не беспокоить.

— Учсовет? Хе-е, а что важнее, учсовет или Усаги-тян?

— Ну, я не звонил ей… Иначе она бы тут же примчалась сюда, — с натянутой улыбкой почесал щеку Такеру.

Именно поэтому он и не стал связываться с Окой. Жизни Усаги ничего не угрожает и придет она в себя не скоро. Юноша решил, что Усаги станет только хуже от излишней суеты вокруг нее.

«Ну, Ока может на нас разозлиться. Она бы и ночью примчалась», — подумал Такеру.

В это самое мгновение медсестра сили отдернула занавеску и заглянула к ним.

— Вы все еще тут? Расходитесь, когда Сайондзи проснется, я отправлю ее домой.

Медсестра задернула занавеску и скрылась.

Коротко вздохнув, Икаруга поднялась со стула.

— Ладно, хватит на сегодня. Когда Усаги очнется, она непременно заглянет ко мне.

— Фестиваль на носу, не лучше ли остаться в академии?

— Нам еще многое предстоит сделать. Завтра начнем вкалывать, так что отдохните как следует.

Мари проигнорировала странную улыбку Икаруги и посмотрела на часы.

День подходил к концу.

— Хотела бы с вами, но у меня скоро эксперимент по призыву мифических существ. А ты, Такеру?

— У меня подработка, но я дождусь, пока Усаги проснется…

Такеру хотел было подняться, но в это мгновение кто-то потянул его за рукав.

Усаги во сне ухватила его за край рукава.

Икаруга расплылась в ухмылке.

— Хо-хо, а тебя любят.

— Ну… Когда она очнется, я провожу ее до дома.

— А раз так, то, может, оба переночуете у меня? Первый раз втроём, сама эта развратная идея возбуждае…

— У меня подработка! Некогда мне с тобой якшаться! – отверг непристойное предложение Такеру.

Мари с подозрением посмотрела на него.

— …Ты же не станешь творить с Усаги-тян всякие непристойности, пока она спит?

— Нет! За кого вы меня держите?!

— …

— …

— И что вы молчите?!

Такеру попытался отчаянно исправить недопонимание, но девушки, продолжая шутить, отдернули занавеску.

— Ну тогда удачи. Мы несем за нее ответственность, потому и пришли. Можешь сделать с ней что-нибудь непристойное, только меня позови, если соберешься. Запишу на телефон…

— Никаких непристойностей! Иначе пожалеешь!

Под взглядами девушек непутевый командир даже натянутую улыбку выдавить не смог.

Когда девушки ушли, Такеру вновь посмотрел на спящую Усаги.

Ему не ведомо, что скрывается за спокойным выражением ее лица. Приступ гипервентиляции, обычно наступающий от напряжения, кончился, но другие варианты отвергать было нельзя.

Испуганное лицо Усаги. И слова Реймы.

Все это явно связано.

— Мефистофель? Что-то слышала, но… — нахмурилась Ока с немного удивленным видом.

Нагаре ожидала подобного ответа и натянуто улыбнулась.

— Во всем мире это существо считается городской легендой. Говорят, это ведьма, пожирающая сердца, демон, вытягивающий души. Ее никто не видел… потому что все, кто видел, погибали после того, как их душу съедали.

— …

— Ока-тян, что бы ты сделала, если бы она действительно существовала и прямо сейчас пыталась захватить академию? – с любопытством посмотрела на Оку Нагаре.

Девушка закрыла глаза и покачала головой.

— Прошу прощения, но это бред.

— Да? Тогда магию тоже можно назвать бредом. Забавно, не так ли?

— …Раз слух ходит, существует и похожая магия. Но понятие души еще не разъяснили, поэтому и заклинания, каким-то образом отделяющего прикрепленную к сосуду душу, не существует. Это лишь предположения. Способа воздействовать на души других нет.

— …Так и есть…

От слов Нагаре Ока резко прищурилась.

— Что ты думаешь о магии захвата?

— …Своего рода небылица. Захват – магия, доступная лишь магическим существам, известным как «демоны». Природа магической силы обычных ведьм совершенно другая, они не могут использовать эту магию. Даже если демона удалось призвать, магию захвата использовать может он, а не сама ведьма.

Как правило, при призыве демона ведьмы связываются с другим уровнем мира и заключают контракт, временно призывая магический организм в обмен на свою магическую силу. Мифические организмы признаны животными этого мира, мир же магических организмов отличается от нашего.

Душа животного, Душа человека, Фея, Дух, Душа Героя, Душа Легенды, Ангел, Демон, Божество.

Проще всего призвать существо, относительно близкое к уровню мира, вроде человеческой души. «Блуждающие огни» Мари и «Белладонна» Одержимого относятся к категории фей.

Кроме того, эти существа не могут по своей воле пересечь границу реальности, им требуется жертва — постоянная подпитка магической силой призывателя.

Потому масштабные призывы вроде «Призыва Героя» или «Призыва легенды» требуют огромных ресурсов.

Мелкие призывы возможны, но для призыва демона, ангела или божества, «Призыва мифа», потребовалась бы жертва в виде самого мира. О мире, в котором живут эти существа, по-прежнему практически ничего не известно. К тому же ведьмы-призыватели лишь повелевают магическими организмами в обмен на магическую силу, но не понимают их.

Потому магию магических организмов люди использовать не могут.

— Много же ты знаешь. Но не стоит так закрываться. К сожалению, ведьма, использующая магию захвата, существует.

«Установка».

Применяемое с помощью демона заклинание, помещающее душу в тело другого человека. Обычно это зовется одержимостью демоном или лисой. Душа человека, на которого направили это заклинание, сначала затуманивается душой демона, а затем поглощается.

В итоге остается тело с другой душой внутри, монстр в человеческом обличии.

Но, как Ока и сказала, подобное заклинание люди применять не могут.

— На самом деле мы уже какое-то время боремся с ней, — выдав правду, Нагаре глотнула чаю.

В столь бредовую историю поверить было невозможно, но Ока решила молчать и слушать.

— Мои подчиненные выслеживали Магическое наследие В-класса, когда она напала. Она захватила тело одного, а всех остальных убила.

— Весь… учсовет?

— Ага. Они перестреляли друг друга.

— …Перестреляли?

— Они не знали, в кого именно вселилась Мефисто. Даже последний выживший испугался, что противник мог вселиться в него, и совершил самоубийство. Похищенное тело пропало. Скорее всего, он уже мертв.

— …

— Она откуда-то знала о наших планах и подготовила нападение. Учсовет практически уничтожен. Я предполагаю, что она проникла в академию, захватив другого ученика.

— …Если это правда, то докладывала ли ты наверх?

— Даже ты мне не веришь, Ока-тян. И там также. От меня со смехом отмахнулись. И теперь там считают, что у меня с головой не все в порядке, — улыбнулась Нагаре.

Не похоже, что она врет.

— Учсовет почти уничтожили. Остались только мы с Сидзукой-тян. Ну и ну, — с сокрушенным видом отпила она чаю.

Учсовет практически уничтожен. Из-за этого Нагаре месяц просидела в этой небольшой комнатке, обороняясь.

Поскольку она действовать не могла, она хотела, чтобы Ока застрелила Мефисто.

Именно за этим ее сюда и позвали.

— Кстати, Ока-тян… Что ты думаешь о Рейме Теммёдзи? – поинтересовалась Нагаре, держа

чашку чая обеими руками.

— Теммёдзи… Из организаторов фестиваля охоты на ведьм? Я о нем знаю только то, что он сынок главы Комитета Этики. А что? – спросила Ока.

Нагара чуть прищурилась и глотнула чаю.

— Не думаешь, что он странный?

— …Странный?

— Пораскинь мозгами. Он – переведенный ученик. С его перевода в академию прошел только месяц. И еще он со стороны Комитета.

— …

— Инквизиция признала Комитет Этики законной организацией, но далеко не все ученики одобряют защиту человеческих прав ведьм. То есть принадлежность к Комитету должна ему мешать… и все же, он так популярен.

Теперь Оке все стало понятно.

Хотя в мире дискриминация ведьм ослабла, к закрытой Академии Антимагии это не относилось. Что думают о ведьмах ученики, которые хотят стать инквизиторами… все становится понятно, если посмотреть на Мари.

Можно сказать, люди из организации защиты ведьм такие же. Они изолированы.

— Тебя не удивляет, что такой человек зачем-то проводит фестиваль охоты на ведьм?

— …Может и так, но… Я слышала, что в прошлой школе он был президентом учсовета. Ничего странного, раз у него есть харизма и способности, верно?

— Я тоже так думала, поэтому разузнала о его репутации и отметках, — с этими словами Нагаре достала из-под котацу отчет и передала его Оке.

Девушка опустила взгляд на бумаги и нахмурилась.

— …Ужасны.

— Ага. Нет способностей ни к теории, ни к практике. Может, в обычной школе популярность и лидерские качества и помогли бы ему стать президентом учсовета, но в академии все иначе.

В Академии Антимагии к учсовету не присоединиться, если у тебя нет способностей и поддержки других. Это распространяется и на отделения академии.

— Связи с руководством?.. Нет, даже так у этого…

Есть предел. Потому что вопрос о присоединении кого-то к учсовету решают не взрослые, а ученики.

— Странно, да? Тем не менее, Теммёдзи стал президентом учсовета на втором году. Если хочешь знать о репутации, ученики той школы им восхищаются. Рейма-сама то, Рейма-сама сё… неприятно даже.

Ока вспомнила, как во время речи Реймы на утреннем собрании завизжали ученицы. «Похоже», — подумала девушка.

Рейма только месяц назад перевелся в главную академию… странно, что всего за месяц он набрал такую популярность.

— Для доказательств это не годилось, так что мы нашли ученика, который перевелся из четвертого отделения, и расспросили его о Рейме Теммёдзи. О том, каким был за год до этого. И…

— …

— Мерзавец. На описание хватило одного слова. Когда ему сказали, что сейчас Рейма обожаемый президент учсовета, он рассмеялся и назвал это бредом.

Ока потерла подбородок.

— Когда, говоришь, Мефисто напала на учсовет?

— Чуть больше месяца назад.

— Где?

— У заброшенного здания недалеко от четвертого отделения. Второй раз — на лесной дороге неподалеку.

Ока внимательно прочла доклад о Рейме и сжала кулак.

Она поняла, что хотела сказать Нагаре. Если коротко, очень вероятно, что нынешний Рейма Теммёдзи – это Мефисто. Неожиданное изменение характера, неожиданная популярность. Если душа изменилась и внутри сейчас ведьма, это объясняет внезапную перемену.

А учеников, вероятно, привлекла магия вмешательства в разум.

А значит…

— …Теммёдзи спланировал возобновление фестиваля.

— Последнее время я окопалась тут, чтобы защититься, так что подготовка полностью на устроителях.

— Если он и правда Мефисто, то фестиваль охоты на ведьм нужен для…

— Жертвы, скорее всего. Может быть, она собирает людей на фестиваль, чтобы применить в академии какое-то масштабное заклинание… Так что ход за тобой, Ока-тян.

— Вы с Сидзукой-тян будете следить за Реймой Теммёдзи… Если найдете доказательства, задержите его. Только не хватайте его , пока не убедитесь, что это Мефисто.

— Э-э, а ты не думала, что я уже могла попасть в руки к врагу?

— Ты же заключила контракт с Пожирателем реликтов, так? Если бы тебя захватили, Инквизиция бы знала, — с равнодушным видом заявила Нагаре.

Ученики не знали, что Ока – контрактор Пожирателя реликтов. Похоже, Нагаре выяснила это через свои обширные связи. Не было такого, о чем бы она не могла узнать.

Кинув на Оку взгляд янтарных глаз из-под полуопущенных век, Нагаре продолжила.

— Я выбрала тебя, потому что могу тебе довериться.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не доверяешь директору, верно? Я знаю, что ты пытаешься вывести этого беловласого монстра на чистую воду. Ты сомневаешься в нынешней Инквизиции… я не права?

— …

— Поэтому ты на нашей стороне. Думаю, ты примешь верное решение. Хоть ты и приемная дочь директора, ты докопаешься до правды.

— Вынуждена отказаться. Борьба за власть и личная выгода меня не интересуют.

— Личная выгода?

— Ты само воплощение честолюбия. Рано или поздно тебе захочется встать во главе Инквизиции. Вот и в этот раз ты используешь учсовет как пешек, чтобы доказать существование Мефисто и списать вину на директора.

— …Ты такая проницательная. Ничего себе, Ока-тян.

Нагаре на мгновение показала свое настоящее лицо. Демоническое лицо опьяненного властью человека, который стоит над другими и выстраивает схемы. Однако Ока считала, что Нагаре лучше Согэцу.

В Нагаре еще осталась капля человечности.

— В целом ты права, но все чутка иначе. Убить Мефисто я хочу не для личной выгоды… а из-за горечи.

— Горечи? – переспросила Ока.

Нагаре смущенно улыбнулась и покрутила чайную чашку.

— Можешь назвать это местью. К сожалению, я не грущу и не скорблю, когда умирают другие люди. Но убитые дети другие. Они грустили. Они скорбели. Я хочу хоть как-то отплатить за их сожаление. – Нагаре с натянутой улыбкой наклонила голову. – Да и то, что они погибли, наша вина.

— …

— Я раздаю указания, но сражаться не могу. Результаты у меня хорошие, но в реальном бою проку никакого. Жалкая же я.

— …

— И все же я стала президентом потому, что погибшие дети меня выбрали. Моя работа –

исполнить обязательство. Кхм, — Нагаре лениво выпятила грудь. – Ну, вот так вот. Думаю, ты тоже хочешь остановить ее, Ока-тян. Ради твоей мести, ради дорогих товарищей и по куче других причин, да?.. Хе-хе-хе, — как кошка рассмеялась Нагаре, прикрыв рот рукой.

Если говорить о ее человечности, то именно это ей и было. Судя по ее словам, президент учсовета знала практически все о прошлом Оки. Ока начинала все больше и больше ее ненавидеть.

— Если так хочешь отомстить за товарищей, почему не запачкаешь руки сама? Месть же именно в этом. Именно это я и собираюсь сделать.

— Почему… Ока-тян, будет плохо, если исчезнет единственный человек, который знает о существовании Мефисто, верно? Генералу нечего делать в первых рядах. — Нагаре воздела указательный палец и покачала им. – Стоящие на вершине люди всегда остаются позади и раздают приказы подчиненным из безопасного места. Погибнуть последней… Как же печально.

Ока, которой не понравилось мышление Нагаре, выбралась из-под котацу и встала.

— О, так ты согласна? Я так и думала. Думаю, в существование Мефисто ты поверила.

— Нет, не поверила. Я… — Ока отвернулась от Нагаре — …приму решение только тогда, когда увижу все собственными глазами.

Высказав свое мнение, Ока покинула вторую комнату учсовета.

Девять часов вечера. В залитом лунным светом медпункте Усаги приподняла веки.

— М?..

Посчитав окружающую темноту странной, девушка завертела головой.

Собравшись подняться, она заметила кого-то рядом.

— М? Проснулась? С добрым утром, Усаги, — чуть улыбнулся Такеру, сидевший спиной к окну на стуле рядом с кроватью.

— Я… Почему?

— Ты потеряла сознание во дворе. Не помнишь?

Усаги начала вспоминать. Когда в голове всплыло лицо Реймы, окрашенное закатными красками, по спине девушки пробежал небольшой холодок, но до приступа дело не дошло.

Застегивая расстегнувшуюся блузку, Усаги краем глаза взглянула на Такеру.

— Ты… все время был здесь?

— Я ведь обещал.

Незадолго до обморока, прямо перед тем, как перед глазами все потемнело, и она провалилась во тьму, Усаги услышала голос.

Ты не одна. Я рядом.

«Так это он сказал», — невольно покраснела Усаги.

Настенные часы показывали девять часов вечера. Она проспала четыре – а то и больше – часа.

— П-прости. Я столько времени!..

— Ничего. Я тоже поспал. Последние дни я как раз не высыпался из-за подработки.

Такеру со стоном потянулся.

Пусть он и сказал не беспокоиться, любой бы считал себя виноватым, если бы проспал четыре часа. Усаги знала, что у Такеру есть подработка. Если сейчас девять часов, значит, он уже опоздал. Скорее всего, он взял выходной.

— Прости… меня… — вновь негромко извинилась она, уже по горло сытая своей привычкой.

То ли услышав извинение, то ли нет, Такеру с мягкой улыбкой погладил Усаги по голове.

— Пошли домой. Я провожу тебя.

Тронутая добротой улыбающегося Такеру Усаги молча кивнула.

— П-подождешь немного, мне надо собраться?

Усаги хотела было встать с кровати, но ощутила в правой руке нечто теплое.

Опустив взгляд, она поняла, что крепко сжимает большую ладонь Такеру.

— А-ава-ва-ва…

— Хм? А, это?

— Н-неужели я все время ее держала?! Все время, пока спала?!

— Ты была в полусне. К тому же последнее время похолодало, так что тепло было кстати.

Усаги торопливо высвободила руку и накрыла щеки ладонями.

Ощущая, что лицо ее пылает, девушка, опустив голову, пробормотала: «Как же неловко».

Если подумать, ее немного смущало то, что на ее спящее лицо смотрели четыре часа подряд.

Не бормотала ли она во сне ерунду? Не бежала ли у нее слюна?

От подобных мыслей у Усаги снова начался приступ.

— Успокойся, мы же просто держались за руки, так? Я рад, что ты доверилась мне.

— У-у-у…

— …Так что, э-э… успокойся.

Такеру с улыбкой вновь погладил ее по голове.

Всякий раз, как он это делал, волнение почему-то исчезало.

Эта рука была очень дорога Усаги, всегда успокаивала.

«Почему я всегда… полагаюсь на его руки?»

Вопреки пораженческим мыслям Усаги чувствовала, что продолжаться так не может.

Когда настанет пора прощаться, разлука будет очень болезненной.

Усаги волновало лишь это.

По дороге домой они шли рядом вдоль роскошных особняков.

Медсестра предложила отвезти их на машине, но Такеру вежливо отказался, потому что хотел спокойно поговорить.

Они шли молча. Явно подавленная Усаги тащилась рядом с Такеру, свесив голову.

— Доставила же я тебе хлопот. Впредь буду держаться, чтобы подобного не повторилось.

— Я ведь уже говорил, что можешь не беспокоиться об этом.

— Я больше ни за что не потеряю самообладание… так что… так что… — не договорив, Усаги вновь замолчала.

Похоже, она немного нервничала.

Конечно, раньше девушка допускала большие ошибки из-за своей боязни публики.

Тем не менее, Такеру полагался на Усаги. Усаги спасала взвод во время атаки Героя, во время нападения на турнире – даже во время недавней стычки с алхимиками. Если бы она тогда не выстрелила, Такеру бы точно лишился жизни.

Юноша был благодарен за это и совершенно не собирался ее винить.

И пусть никаких результатов они не добивались, как-то выбраться им удавалось.

Вероятно, Усаги стала столь робкой из-за…

— Глава исполнительного комитета… Теммёдзи, кажется. Вы же родственники.

Когда он заговорил об этом, плечо Усаги чуть дрогнуло.

От Такеру это не укрылось.

— …Между вами что-то произошло? – как можно мягче спросил Такеру, чтобы не волновать девушку.

Усаги, не поднимая головы, слегка замедлилась и отошла за спину Такеру.

Она не отвечала. И лицо не показывала.

Лишь молчала.

— Прости, забудь. Я не стану совать нос в твои семейные проблемы, — сказал Такеру, не оборачиваясь к Усаги.

Он не станет лезть в ее личную жизнь, пока она сама не заговорит. Он не мог не вмешаться, когда в опасности была Икаруга, но с Усаги все было иначе. Ее проблема камнем лежала у нее на сердце.

Во взводе 3-5 существовало негласное правило защищать друг друга.

— …Меня не тяготит нечто столь серьезное, как у Сугинами и остальных, — негромко прошептала Усаги.

Такеру молча слушал.

— Это обстоятельства в моей семье. Поэтому с этим ничего не поделаешь, даже если я скажу.

Обычно энергичный и громкий голос теперь звучал глухо.

— …Что такое? Ты на себя не похожа.

— …

— Это не важно. Не сравнивай себя с остальными. Понимаешь, даже если для других бремя проблем невесомо, для самого человека оно тяжело.

— …

— Если проблема тяжела для тебя, она тяжела и для меня.

— …

— Что бы тебя ни беспокоило, если ты попросишь моей помощи, я сделаю все, что в моих силах.

Услышав это, Усаги остановилась. Такеру тоже остановился и обернулся.

Казалось, что он сказал это для показухи, но он не соврал.

Мимо проехала машина, осветив их фарами.

Усаги с неловкой улыбкой посмотрела на Такеру.

— Ты не сможешь, Кусанаги.

— Смогу. Не говори так, пока не попробовала. Даже я смогу для тебя что-нибудь сделать…

— Тогда что ты будешь делать, если я сейчас попрошу жениться на мне?

…Что она только что сказала?

Такеру растерялся.

— То есть, возьмешь ли ты меня в жены?

У Такеру ушло несколько секунд на то, чтобы понять, о чем говорит Усаги.

Она сказала «жениться»? Почему? Учитывая сложившуюся ситуацию, не похоже, что она пошутила. Женитьба, другими словами, она сделала своего рода предложение? Нет, она не могла говорить серьезно при таком настроении.

В глазах Усаги, на которых навернулись слезы, улыбки не было. Смущения тоже.

Ожиданием ее взгляд не полнился. Там была лишь покорность.

— Ну? Не сможешь же, да?

Усаги смахнула слезы и опустила голову, положив руку на грудь.

— Это и есть моя проблема. Рейма Теммёдзи, сын главы Комитета Этики, мой жених. У семьи Сайондзи шаткое положение в Инквизиции. Ко всему прочему я единственная наследница. От меня никакого толка, поэтому родители решили использовать меня как политический инструмент.

— …Такое и сейчас… существует?

Другими словами, политический брак. Ужасный обычай, когда партнера на всю жизнь выбирают родители, не считаясь с самим человеком. История из мира, отличного от мира Такеру.

— На академию я никак не повлияю, так что остается лишь это. Изначально мой дедушка был ближе к Комитету Этики, так что это единственный путь, который остался у семьи Сайондзи. Ничего уже не изменить.

— И все же… Это неправильно.

— Тогда… что мне… делать?

Такеру не смог ответить на заданный в лоб вопрос.

На лице Усаги явственно читалось, что она подавляет в себе чувства.

Такеру казалось, что она кричит о помощи в кромешной тьме.

Решения столь небывалой истории в голову не приходило. В голову не шло ничего, кроме замужества.

Однако в данном случае толку от него никакого.

Свадьба без повода никак не повлияет на политический брак.

— …Прости. Все-таки я не должна была говорить об этом.

— …

— Через месяц я покидаю академию. Поэтому я хотела, чтобы хоть во взводе все шло как обычно, но… слабость взяла надо мной верх.

Девушка, опустив голову, заплакала.

Она явно пыталась вести себя как обычно при таких обстоятельствах. Однако при встрече с Реймой ей пришлось осознать реальность, и Усаги потеряла сознание.

Но Такеру по-прежнему не понимал.

Политический брак. Не мог же он столь пугать ее? Такеру не знал, как с Усаги обращаются в семье Сайондзи.

Есть еще что-то. Определенно есть.

Но если Усаги действительно собирается уйти из академии…

Если она сама не хочет этого, то как товарищ он не может позволить этот деспотизм.

Но что тогда делать? Как помочь Усаги? Такеру не мог сражаться без явного врага. В случаях с другими девушками он просто сталкивался с различными препятствиями, но эта ситуация может оказаться самой трудной.

Что простодушный Такеру сможет сделать? Что сможет сделать Такеру, который умеет только фехтовать?

Как ему влезть в семейные дела, разорвать брак и сделать так, чтобы Усаги продолжила посещать академию…

— Усаги.

Такеру подошел к девушке и встал напротив.

Усаги с трудом подняла голову и посмотрела на него.

Такеру посмотрел прямо ей в глаза, положил руки на плечи.

И…

— Сегодня ты ночуешь у меня.

Усаги совершенно не поняла, как он пришел к столь немыслимому решению.

Она забыла даже покраснеть и лишь потрясенно распахнула глаза.

Десять часов вечера, немного рановато для сна.

Усаги вот уже почти десять минут рассеянно стояла под душем в ванной, в которой клубился пар.

Находилась она сейчас в квартире Такеру. Сказав девушке, что она ночует у него, Такеру молча взял смущенную Усаги за руку и повел к себе домой.

Она в первый раз видела его столь напористым.

«Первый раз…»

Усаги мгновенно покраснела от картины, которую вызвали эти слова.

— О, о, о чем я… Ужас-то какой… Как стыдно-то…

Девушка понизила температуру душа, чтобы остудить разгоряченное тело, и приложила руки к щекам.

Но чем больше она думала, тем больше считала, что приглашение Такеру нельзя истолковать иначе. По сути, Усаги и в душ-то пошла с мыслью: «Хочу подольше подумать, прежде чем залезать в ванну».

То есть простейшее объяснение: «Спать я сегодня тебе не дам»?

— Нха-а-а!.. – помотала она головой, пытаясь отринуть плотские желания.

Прежде всего, предложение о замужестве выдвинула она. Возможно, такое поведение — результат того, что предложение он воспринял всерьез.

— Раз он пригласил меня… значит, согласен?.. О-он женится на мне?.. Фу-а-а…

Истинных намерений Такеру она не знала, а если это действительно был ответ на предложение, то не понимала, как себя вести. Ей хотелось кататься по полу ванной.

— Н-н-н-но разве подобное происходит не после замужества?.. Первый раз т-таким и должен быть?.. Нет, стоп, — мысли Усаги остановились.

«Э-это же принятый в обществе факт. Если я забеременею раньше, мне не придется выходить замуж за Рейму-саму. На удивление логично… Если я заведу ребенка, то смогу остаться с Кусанаги… стоп, стоп, стоп! Я хочу остаться с взводом, а не только с Кусанаги. Сугинами тоже важна, да и Отори с Никайдо тоже мои товарищи, хоть и раздражают».

Усаги снова помотала головой.

Но ведь если она станет женой Такеру, она всегда будет счастлива?

Будучи женой, она сможет монополизировать его. Стоит только попросить, и он будет где угодно и когда угодно гладить ее по голове и хвалить.

Она решила, что ей важнее всего. Получить его любовь возможно. Быть может, Такеру сумеет подарить ей столь желанную любовь, которую не смогла дать семья.

«Нет-нет-нет-нет! Это ведь нечестно! Так ведь получается, что он делает это только из жалости, чтобы огородить от семейных обстоятельств?! И вообще, не в этом смысл! Дети! Заводить детей по такому нечестивому поводу… И почему вообще дети? Я совсем не этого хочу…»

Усаги представила картину. Такеру отец, она мать. Дешевый, но уютный дом. Семья, каждый день держащаяся за руки.

Она держит ребенка, рядом с ней мягко улыбается Такеру.

…

Она представила себя невероятно счастливой.

— У-а-а…

Едва не упав от прилившей к голове крови, Усаги оперлась руками о стену.

Мысли девушки, которая не могла решить, насколько далеко нужно заходить, остановились.

— …Ладно, будь что будет.

Все еще красная, она вымылась тщательнее, чем обычно, и залезла в ванну.

Усаги положила руки на грудь, которая подобно шарикам держалась на воде, и слегка нажала. Из-за непропорционально большой относительно маленького роста груди она тоже

комплексовала. Большая грудь мешала, на нее пялились парни; Усаги не видела в ней ничего хорошего.

…Говорят, парням нравятся большие.

…Обрадуется ли им Кусанаги?..

Возможно, для первого раза это положительный фактор.

Усаги не стерпела своей непристойности и резко погрузилась в воду.

Такеру, закончивший говорить по телефону одновременно с тем, как Усаги залезла в ванну, сидел, скрестив ноги и сложив на груди руки.

Пока что нужно навести порядок в голове.

Выслушав мнение всех, он приложит все усилия, чтобы решить проблему.

Нет гарантии, что все пройдет гладко. Такеру не верил, что у него получится переубедить родителей Усаги.

Но если получится прийти к соглашению, они его хотя бы выслушают.

Поэтому он просто обязан что-то сделать.

— Ладно, — Такеру легонько стукнул правым кулаком по левой ладони.

Точно в эту секунду дверь в ванную открылась и оттуда вышла Усаги.

— О, уже все? Прости за такую маленькую ванну… — Такеру, не отрывая взгляда от появившейся девушки, окаменел.

Он не поверил своим глазам. Перед ним стояла голая Усаги, прикрывавшая грудь одним лишь полотенцем.

— Т-ты п-почему… голая?

— …П-потому что… забыла… сменную одежду…

Усаги то и дело отводила взгляд.

«Вот черт», — подумал Такеру.

Из-за того, что он спонтанно решил привести Усаги к себе, а потом тут же отправил ее в ванную, а сам погрузился в размышления, в туалетной комнате он оставил только полотенце. А про сменную одежду забыл.

— Прости! Сейчас дам свой свитер!..

— …Ничего…

— Э?! Почему?! – невольно вскрикнул Такеру.

Усаги опустила глаза, в которых стояли слезы, и с покрасневшим от смущения лицом продолжила:

— Я ведь… все равно окажусь голой…

— …Почему?! – вновь невольно воскликнул он.

Поднявшись, Такеру попытался вспомнить, куда положил свитер.

Но не смог сосредоточиться, потому что смотрел на Усаги.

— Э-э… Кусанаги…

Усаги неуверенно шагнула вперед.

— Лучше не-надо. Не подходи. Мне как парню будет очень…

В этот момент Усаги, которая толком не вытерлась после ванны, поскользнулась на образовавшейся луже воды.

Такеру рефлекторно поддержал ее.

Разумеется, они тут же застыли.

«Н-нехорошо… Крайне нехорошо…»

Кожа Усаги была гладкой, мокрой и очень горячей.

Ее чуть дрожащие плечи, мокрые волосы, влажные губы. Даже через одежду ощущать два прижимающихся к нему холмика было просто безумно приятно…

Усаги тряхнула волосами и подняла на Такеру взгляд.

— Э, это мой… первый раз, поэтому я не знаю… что нужно делать…

— Фу-э-э?!

Лицо смущающейся Усаги казалось безумно очаровательным.

— Поэтому… предоставляю все тебе, Кусанаги… хорошо? – крайне жалостным голосом произнесла она.

— П-погоди… Не торопись. О чем ты?!

— Э?..

— У тебя такое странное лицо. Объясни, что происходит.

Усаги потрясенно распахнула глаза.

На ее глазах мгновенно выступили слезы, и девушка крепко прижалась к Такеру.

— Жестоко… Настолько загнать меня в угол.

— …

— Пожалуйста… не смущай меня еще больше.

Ни один мужчина бы не устоял перед наполненным слезами взглядом снизу вверх и

подобными словами.

Такеру исключением не был. Он верил в свою рациональность, но не думал, что сможет устоять перед подобным.

Плохо. Это слово не выходило у него из головы. Они несколько секунд смотрели друг на друга. Вскоре Усаги приподняла подбородок и молча закрыла глаза.

Испустила жаркий вздох через влажные розоватые губы.

Такеру тоже подался вперед и осторожно поднес губы к губам Усаги.

И…

— Таккеру! Привет! Зашла в гости, а у тебя домофон сломан!

…дверь в комнату распахнулась как нельзя вовремя.

Оттуда с широченной улыбкой показалась Мари.

— Хе-е… В прошлый раз казалось, что тут обитают призраки, а сейчас тут никаких странных явлений не происходит… вер… но…

Мари сбросила обувь и вошла в комнату, где Такеру с Усаги по-прежнему обнимали друг друга.

Их глаза встретились. Затем…

— Эй, ты! Хотя бы стучись перед тем, как входить! Хорошие манеры нужны даже между друзьями… И обувь ты нормально не поставила… И что с тобой делать.

Поставив нормально сброшенную Мари обувь, Ока вошла в комнату.

Их глаза встретились. Затем…

— Я четыре года не выбиралась за пределы академии, но кто бы мог подумать, что вторым местом, где я побываю, станет комната Кусанаги… пусть это и внезапно, но давайте поищем порножурналы.

Икаруга с привычным сонным видом вошла в комнату.

Их глаза встретились.

— …

— …

— …

От предчувствия взбучки Такеру захотелось заплакать. Прижимающаяся к его груди Усаги беззвучно открывала и закрывала рот от страха.

«Вот поэтому положение и было плохим», — снова и снова всплывала мысль в голове Такеру.

— Я-я не заходить так далеко… без меня!..

— Кусанаги, ты все-таки… Я правда пыталась не думать об этом… А ты…

— Почему?.. Кусанаги… Усаги… Почему вы?..

Каждая девушка по-своему выразила ярость.

Такеру, предчувствуя вероятную расправу, отодвинулся от Усаги и приготовился. Сомато не использовать. Он хотел сказать, что не виноват, но не мог опровергнуть своего недавнего желания, поэтому приготовился принять свою судьбу…

— Изменник!

— Бабник!

— Я же просила позвать меня!

— Умоляю! Только по больным местам не бейте! А-а-а!

Три девушки с яростными – почти безумными лицами пнули его в самый сокровенный символ мужчины.

Под хмурым ночным небом раздался жалостный вопль Такеру.

Некоторое время покатавшись по полу после пинка, Такеру, сидя в сейдза, объяснил все взводу.

О семье Усаги. О ее женихе. О том, что ей придется уйти из академии.

Услышав все от самой Усаги, девушки все поняли.

— Просто выходи за Кусанаги замуж и заводи двух детей. Детей, я сказала, — тут же заявила Икаруга.

Покрытый синяками Такеру тыкнул в Икаругу пальцем.

— Отказано! Ты! Думай! Серьезно! – продолжал он тыкать в нее.

— Я серьезно. Я буду рада вашей свадьбе. Буду любовницей. Для вас обоих, конечно.

— Даже при смерти не выберу тебя любовницей!..

— Хм? Так ты хочешь жениться на мне?

— Не в том дело! И не делай такое задумчивое лицо, будто правда пойдешь на такое, дура! –на виске Такеру от злости вздулась вена.

Сама Икаруга не обратила на это внимания.

— А дети – это хорошая идея. Если забыть о Кусанаги, дети Усаги должны быть милыми, верно? Просто очаровательными. Грудь у Усаги большая, так что проблем с кормлением детей не…

— Размер груди к этому отношения не имеет! Дети без всяких проблем питаются и из маленькой! В плане питательности гигантской груди она не уступает!

— …И чего Никайдо так разошлась…

— Заткнись, ты меня бесишь! И вообще, никакой свадьбы, никакой! Мама не разрешает! – недовольно высказалась неизвестно когда ставшая матерью Мари, которая сидела со скрещенными ногами и сложенными на груди руками.

— С-свадьба… Конечно, вы уже можете пожениться, но вы все еще школьники. И я не думаю, что стоит жениться по такой причине… С-сначала надо удостовериться, что вы взаимно… л-л-любите друг друга…

— Доказать свою любовь… Займитесь сексом, в общем.

— Я-я-я-я вовсе не это имела в виду! Давно хотела сказать, что Сугинами вульгарно себя ведет! Н-н-не как подобает девушке! – голос Оки выдал в ней невинную девушку.

Икаруга пришла в восторг.

Обычная сцена. Если так продолжится, разговор снова уйдет не туда.

Когда Такеру хотел открыть рот, чтобы напомнить тему…

— …Э-э-э, — неуверенно подняла руку Усаги. – Почему вы все здесь?..

Задав элементарный вопрос, Усаги посмотрела на трех девушек, которые пришли в комнату к Такеру.

Те посмотрели на Такеру. А Такеру на них.

— Это я их позвал. Подумал, что стоит провести совещание.

— Совещание? — Усаги удивилась.

Девушки ожидали подобного вопроса и слушали молча.

Такеру кашлянул и сложил на груди руки.

— Совещание насчет операции по спасению Усаги Сайондзи.

Усаги не поверила своим ушам.

— Наша главная цель – заработать баллов на фестивале охоты на ведьм, чтобы убедить семью Сайондзи, переубедить родителей Усаги. А на случай, если заработанные баллы их не убедят, надо придумать другой план.

При виде серьезного лица Такеру глаза Усаги дрогнули.

— На фестивале надо выложиться на полную. Когда товарищ в опасности, все остальные сосредотачивают силы, чтобы помочь ему.

— Я так и собиралась с самого начала, но раз провалиться нам нельзя… Ладно, постараемся.

— Если Усаги-тян уйдет, мне будет одиноко. Я тоже постараюсь.

— Не одобряю я получение баллов не через бой, но… без Сайондзи у нас будут проблемы. Примите мою небольшую помощь.

Их мнения совпали, и 35-й взвод поднялся на ноги.

Усаги потеряла дар речи и лишь смотрела на них.

— Если доверить это мне, все плохо обернется. Нужно прочное основание.

— …Почему-то ее нерешительность говорит об обратном. Надо придумать что-то другое. …Ока Отори, ты ведь дочь директора, неужели ничего не сможешь сделать? Используй влияние, влияние…

— Ну… Я думала над этим, но решила оставить на крайний случай. Не хочу полагаться на этого человека. Иначе нас ждет неприятный результат… это обоюдоострый меч.

— Все будет нормально и без помощи директора. У нас точно все получится.

— Эта самоуверенность и есть наша проблема.

Все наперебой начали высказывать свои идеи.

— …А…

Не стерпев этого, Усаги повесила голову.

Из глаз ее полились слезы. Она не смогла вынести чувства, вырывавшегося из груди.

Она вновь подумала, что именно этому месту и принадлежит. Отказалась от своей семьи. Подумала, что не может вечно бежать, что привязана к этому месту до самой смерти.

Даже если сама она сдалась, они будут стараться ради нее.

Потому что они хотят, чтобы она осталась с ними. Потому что она нужна. И ради этого они помогут.

Для никому не нужной Усаги не было ничего радостнее.

Такеру положил свою большую ладонь на голову тихо плачущей Усаги.

— Не сможем вдвоем… Сможем все вместе.

— …Кусанаги.

— Ты не одна. Мы с тобой.

— …Но я ничего не смогу дать взамен… Я всем только мешаю… только получаю помощь…

Усаги легонько стукнули кулаком по все еще опущенной голове.

— Глупая.

— Ч-что ты делаешь?..

— …Ты хоть знаешь, сколько раз спасала нас, — чуть недовольно сказал Такеру. – Во время боя с Героем твой выстрел спас меня. Если бы не ты, меня бы убили.

— …

— И во время турнира тоже. Пока я валялся в отключке, ты спасла Отори и Мари, несмотря на раненый глаз.

— …

— И в Пятой лаборатории. Твой выстрел пробил спину дракона. Без этого я бы не смог пронзить его мечом. – Такеру вновь коснулся головы Усаги, на этот раз мягким поглаживанием. – Мы сейчас живы благодаря тебе.

— …

— Ты будешь нужна нам и в будущем. Потому я собрал всех. Вы должны это знать.

После слов Такеру Усаги расплакалась уже вслух.

Точнее, разрыдалась.

Почему-то остальные набросились на Такеру.

— Такеру! Что ты сказал Усаги-тян?!

— Это же что-нибудь неприличное, да? И что теперь с ней делать… Ну, ну, не плачь, не плачь.

Икаруга с Мари принялись утешать Усаги.

Быть может, это прозвучало неприлично. Такеру с натянутой улыбкой почесал щеку.

— Кстати, Кусанаги… Жених Сайондзи учится в академии?

Хотя остальные две девушки утешали Усаги, Ока осталась рядом с Такеру.

— Деталей не знаю, он вроде как ее друг детства.

— Хм-м… А как его зовут?

— А, Рейма Теммёдзи. Глава исполнительного комитета фестиваля. Говорил на утреннем собрании.

— …

— Что такое?

— …Нет, ничего.

Ока отвернулась от Такеру и с серьезным видом прищурилась.

Такеру это немного взволновало, но времени на беспокойство не было.

После этого Ока, забывшая о порученном учсоветом деле и оставшаяся на совещание, отправилась домой одна.

http://tl.rulate.ru/book/101721/3793421